

Пока Чэньша и его спутники только пустились в путь, в Чаояне, столице страны Цанъянь, лежащей за тысячи ли от них, вовсю бурлили тайные течения.

Великое Собрание Сотни Купцов, на которое съехались торговцы со всех четырех сторон света, завершилось, но городские ворота Чаояна после этого оставались наглухо закрытыми целый месяц. Чтобы поймать дерзких налетчиков, напавших на именитых гостей и богачей прямо во время пиршества, власти Цанъянь даже обратились за помощью к мастерам из мира боевых искусств. Однако плодов это почти не принесло, зато едва не рассорило империю с соседними странами. Среди простого люда поползли слухи: поговаривали, будто Цанъянь специально созвала знать и купцов в одном месте, чтобы захватить их в заложники и развязать войну.

Какой бы богатой и могущественной ни была Цанъянь, она не могла игнорировать подобное злословие. К тому же император Дуань Чэнье во время Собрания был серьезно отравлен и едва не отошел к праотцам. Государство осталось без главы; чиновники спорили до хрипоты, но принимать решения было некому. Наследника Дуань Чэнье назначить не успел, и бремя власти временно легло на плечи императрицы, которая, впрочем, не обладала реальным весом в делах правления.

В отличие от Сяогуан, Кунлань и десятка других малых стран, где свято чтити вековые традиции, общество Цанъянь было более свободным и проповедовало равенство между мужчинами и женщинами. Всё благодаря памяти о спутнице основателя империи — женщине великой души и мудрости. Однако нынешняя императрица, хотя и была дочерью канцлера и образцом благородного воспитания, не обладала ни широким кругозором, ни должной твердостью характера. И хотя преданные престолу сановники во главе с ней горели желанием схватить предводителя убийц, вечно держать Чаоян в осаде было невозможно. Ворота пришлось открыть.

Лу Юйчэнь времени зря не терял. Пока город был заблокирован, он успел завести знакомства с множеством заморских знаменитостей и повернуть не одну выгодную сделку. На его фоне глава торгового союза Цинь Фэн выглядел странно: он целыми днями крутился как белка в колесе, решая непонятные задачи, и при этом упускал верную прибыль, буквально плывущую в руки. Император Кунлань, Фэн Ян, и вовсе безвылазно сидел в поместье Цинь, почти не показываясь на людях. Он даже не смотрел за своей младшей сестрой, принцессой Фэн Лянь, которая повсюду хвостом следовала за Цинь Фэном.

Как только ворота распахнулись, Лу Юйчэнь, заранее узнавший о сроках, закончил все дела и в тот же день отбыл в Чжаньхай.

Вслед за ним засобирался домой и Фэн Ян, однако Фэн Лянь уперлась и ни в какую не желала возвращаться. Принцессу Фэн Лянь величали «Жемчужиной Ветра» — она была ослепительно красива и знатна. Короли западных земель и вожди кочевых племен предлагали за неё баснословный выкуп, мечтая видеть её своей королевой, но она всем сердцем стремилась замуж за Цинь Фэна, и её невозможно было сдвинуть с места и десятком быков.

Из-за этого вопроса Фэн Ян и Фэн Лянь окончательно рассорились. Император Фэн Ян взошел на трон, ступая по крови бесчисленных братьев и сестер. Рано потеряв мать, он считал единственным близким человеком, которого стоило защищать, лишь эту сестру. Став императором, он почти под корень истребил своих братьев и дядьев: те немногие, кто выжил, были сосланы в глушь на правах никчемных князьков. Старших сестер он выдал замуж, выменяв их на земли и подношения, а младшие давно были помолвлены с верными министрами или иностранной знатью. И только Фэн Лянь в свои сто девяносто с лишним лет всё еще оставалась незамужней принцессой.

Фэн Лянь любила Цинь Фэна. Тот был сказочно богат, а его истинное происхождение давало ему полное право претендовать на её руку. Но Фэн Ян наотрез отказывался отдавать сестру за него, и причины этого упрямства оставались загадкой для окружающих. Принцесса пускала в ход всё своё обаяние и хитрость, чтобы задержаться в Чаояне еще на месяц. Фэн Ян был в ярости, но, чтобы не позорить имя императорской семьи, не мог приказать слугам связать сестру и увезти её силой. От этих дум у него голова шла кругом.

Лунной ночью, когда тени деревьев мягко качались на ветру, Фэн Ян снова затащил в сад князь Цзян Хуайюй, который тоже не спешил покидать Чаоян. Тот называл это «скрасить Его Величеству одиночество за чашей вина под сенью луны», хотя на самом деле просто хотел подольше побыть рядом с императором. В искусстве питья Хуайюй не мог и близко сравниться с Фэн Яном — обычно он хмелел после первой же чарки. И всё же при каждом удобном случае князь присылал приглашение.

Чтобы не уснуть и подольше любоваться Фэн Яном, Цзян Хуайюй пошел на хитрость: своё вино он безбожно разбавлял водой, а гостю выставлял лучшие коллекционные сорта. Фэн Ян был немногословен, поэтому Хуайюй приходилось лезть из кожи вон, подыскивая темы для разговора. Будучи типичным праздным гулякой, князь прекрасно разбирался в развлечениях и яствах, но Фэн Ян лишь вежливо слушал, не проявляя ни малейшего интереса к подобной суете. Обычно всё заканчивалось неловким молчанием.

Когда беседа в очередной раз зашла в тупик и Фэн Ян даже не удостоил его кратким «хм», Хуайюй в смущении осушил три чарки подкрашенной водицы. Сидящий напротив император выглядел холодным и отстраненным. Даже вино он пил с достоинством, в каждом его жесте сквозило величие истинного монарха, которое невозможно было подделать.

Понимая, что если он сейчас же что-нибудь не скажет, Фэн Ян сошлетя на усталость и уйдет, Хуайюй лихорадочно соображал. Вспомнив о сегодняшней ссоре брата и сестры, он осторожно коснулся темы, о которой раньше и заикаться не смел:

— Ваше Величество задержались в Чаояне на два с половиной месяца... Полагаю, всё из-за брака принцессы Фэн Лянь? На Собрании было столько знатных и достойных мужей, принцессе и впрямь пора под венец. Почему бы вам не выбрать ей супруга среди них?

За время их знакомства Хуайюй удалось немного сблизиться с Фэн Яном, поэтому сейчас он говорил свободнее. Услышав это, император отставил равнодушие. Он дождался, пока служанка наполнит чашу, осушил её одним глотком и тяжело вздохнул:

— К чему эти экивоки? Я против союза с главой Цинем лишь потому, что боюсь — она не создана для жизни в таком окружении.

Говоря это, он хмурился. При всей своей жестокости и холодности в государственных делах, по отношению к единственной сестре он испытывал те же мучительные сомнения, что и любой старший брат.

— Ваше Величество слишком печется о принцессе. С таким братом она поистине счастлива...
— Хуайюй был тронут. Кто посмеет назвать Фэн Яна бессердечным? — Сегодня она была резка с вами, крики были слышны даже в моих покоях.

Фэн Ян покачал головой:

— Если бы она понимала мои мотивы, то не была бы столь упряма.

Хуайюй задумался и добавил:

— Принцесса прожила в Цанъянь немало времени и, кажется, не испытывает к здешним порядкам неприязни. К тому же, хоть у главы Циня и обширный «задний дворец», по-настоящему он дорожит лишь немногими. Кроме того, два Звездных Сияния недавно покинули поместье. Принцесса Фэн Лянь точно не даст себя в обиду.

— Нет, ты ошибаешься, — Фэн Ян снова вздохнул. — Она выросла в императорском дворце и должна знать, как вести себя с мужчиной. При её статусе, стань она женой главы союза, она точно не была бы на вторых ролях. Но она вряд ли... — он понизил голос, — вряд ли сможет удержать власть в гареме. И уж точно не справится с теми, кто привык бороться за милость господина. Особенно когда в дело вступают не только женщины, но и мужчины.

— Но Цинь Фэн редко зовет мужчин в свою опочивальню, вряд ли принцессу обделят вниманием...

— Она не глупа и не беспомощна, — перебил император. — Но врагов вокруг будет слишком много. У неё горячий нрав, она владеет оружием и совсем не похожа на кротких и нежных красавиц Чжаньхай. Неужели ты думаешь, я хочу увидеть день, когда её подставят, а она в порыве гнева кого-нибудь пришибет, и её же сделают виноватой?

Хуайюй замер. Понимая, что рядом только доверенные люди и разговор не выйдет за пределы сада, он всё же невольно понизил голос до шепота:

— Ваше Величество хочет сказать...

— Я не привык обсуждать чужие семейные дразги, — Фэн Ян вернулся к обычному тону. — Но одно я скажу тебе прямо, — он посмотрел Хуайюю в глаза, отбросив официальные титулы. —

Тот недавний случай, когда Пятая Звезда Чэньша едва не погиб от яда... Это была не моя работа. И не её.

«Так значит, кто-то в самом поместье Цинь решил воспользоваться приездом Фэн Лянь, чтобы устранить Мянцзинь или Чэньша?!» — Хуайюй не мог в это поверить, но лицо Фэн Яна сейчас не оставляло места для сомнений. Чэньша тогда отравили «Уходящей водой», подмешанной в суп из серебряных ушек и семян лотоса. Если бы не Лу Юйчэнь со своим «Сотней закалок Неба и Земли», Пятой Звезды уже не было бы в живых. Тогда все улики указывали на Фэн Лянь: мотив, наличие яда, время — у неё не было алиби. Цинь Фэн, который в то время ждал ребенка от Мянцзинь и едва не потерял её, долгое время обходился с принцессой более чем холодно, и лишь приезд её брата-императора заставил его сменить гнев на милость.

— Но это же... это просто невообразимо...

— Невообразимо? — Фэн Ян горько усмехнулся. — Я был лишь третьим сыном. Моя мать не была дочерью вождя великого племени. Мой отец-император в пылу гаремных распрей сослал её в холодный дворец, и мы с Лянь годами выживали там. Мать целыми днями плакала и раз за разом рассказывала мне всё, пытаясь убедить, что она ни в чем не виновата.

Фэн Ян глубоко вдохнул, унимая волнение:

— И знаешь что? Я проверил. Она действительно была ни в чем не виновата. Но безвинность — это не оправдание. Она умерла. Совсем одна, под деревом в заснеженном саду холодного дворца. На белой шелковой ленте.

— Когда я взошел на престол, — продолжал он, — самым радостным для меня было не то, что второй брат, воюя со старшим, взял отца в заложники и тем самым погубил его. Радостным было то, что мне не пришлось пачкать руки об отцеубийство. Мой отец слыл мудрым правителем: он понимал, что императрицу, за которой стояла власть, трогать нельзя. И он выбрал мою мать в качестве жертвы, чтобы сохранить стабильность в государстве. Но это не значит, что я перестал его ненавидеть... Хорошо, что это сделал не я.

Хуайюй не знал, что ответить. Он вырос в Чжаньхай, стране, где правили женщины. Его мать-императрица и отец-святой жили в любви и согласии. Его старший брат хоть и был строг, но любил его всем сердцем. Он был младшим в семье, всеобщим любимцем, которому позволялось почти всё. О кознях в гаремах он только слышал: у его бабки бывало нечто подобное, но там мужчины решали вопросы просто — били друг другу морды, и дело с концом. Разве бывает всё настолько сложно и страшно?

Он не успел додумать эту мысль. Пронзительный крик разорвал тишину поместья Цинь:

— Сюда! Скорее! Госпожа Мянцзинь... Старшее Звездное Сияние пропало!

<http://bllate.org/book/17524/1697990>